

nova · nevedoma

Мы с Петровичем и ч.т.д.

nova-nevedoma.com/my-s-petrovichem/

Мы с Петровичем как-то напились и полезли в бабскую баню понять, что как да кто с кем, у кого где чего да почему и зачем, кто виноват, что делать (доколе?!), исключительно из научного интереса, надо сказать, анатомия там, философия, мифология, всякое прочее интересное. Спектр наших с Петровичем интересов всегда был обширен, куда обширней просторов нашей деревни и прилегающих к ней территорий. Будучи ребятами подкованными, образованными, с тремя или пятью высшими (уже и считать перестали), мы с Петровичем и так уже обладали глобальным универсальным всеобъемлющим знанием о предметах и непредметах, их свойствах и отношениях, не было ничего, чего бы мы с Петровичем не знали или не могли узнать, ибо мы с Петровичем (еще с ранних лет) увлеклись древнегреческими методами жизни, познания жизни и познания в принципе, одним из которых был философский диалог, в ходе которого два лица бросаются друг в друга вопросами, ответами, иногда стаканами пустыми, часто полными, иногда стульями, для выяснения Истины, ибо оно, познание Истины, возможно только в коллизии мужика со стулом (то есть с миром) и мужика с мужиком, но никогда с самим собой, ибо все, что начинается с «само», будь то, например, саморефлексия, самолюбование, самобичевание,

самоудовлетворение, рано или поздно упирается в самодурство и саморазрушение, и кирдык, до свидания, ваше благородие, не мужик вы больше, а мозг, а тело ваше — так, оболочка для извилистого серого вещества-существа, которое может только думать и ничего больше, как компютер, и никто ему для этого не нужен, ведь оно так устроено, что у него на все ответ найдется, а не найдется — так выдумается, ведь думать, опять же, основное и единственное свойство его, и коли мужик поддается этому веществу-существу и решает, что этого вещества-существа ему достаточно для достижения глобального универсального всеобъемлющего знания и выяснения Истины, коли решает, что всего этого достичь он может «сам», то перестает он быть мужиком и становится скотиною мозговой и не более, вместе с мыслью своей становится он направленным сам на себя все больше и больше, скрючивается, тянется, ребра себе удаляет, лишь бы до корня Истины дотянуться, схлопнуться сам в себя.

С чего, собственно, все началось. Пили мы с Петровичем, наслаждались жизнью деревенской и ее познанием, молчали, мычали, ахали, а Петрович спрашивает:

— Мужик у чего хочется? А?

— А?

— Подумай, друже.

— Голова кругом идет, Петрович, думать не могу.

— Вот чего тебе хочется?

— Пить хочу, Петрович. Воды.

— А еще?

— Блевать хочу, Петрович.

— А еще?

— Не знаю, Петрович, умереть хочу. Жизнь мне не мила.

— Тебе лишь бы пошутить. Подумай, мужику в целом, абстрактному мужику с большой буквы М, то бишь мужику как философской сущности, обладающей всеми свойствами мужика, что хочется?

— Петрович, а ты сам-то ответ знаешь?

— Знаю, конечно. Но я тебе его не скажу.

— Ну ты, Петрович...

— Ты до него сам доползти должен, друже, будь то по минному полю аль наскрозь малинника.

— А если он, твой космический Мужик, буддист?

Пнул меня Петрович, не злобно, по-наставнически, любя.

— Подловить меня вздумал? Буддистов мы с тобой уже проходили.

Ты мне скажи.

Вздыхаю, делать нечего, цитирую Петровича:

— «Буддист есть максимально легитимизированное проявление серого вещества-существа, вещее и сущее которого заключаются в бытности внутри себя (подчеркнуто), направленности в себя (подчеркнуто) и самодостаточности (курсивом), однако же ничего патологического в этом, в сравнении с подобным поведением у небуддистов, нет, ибо самость буддиста есть чиста и выражена пустотой, то есть ничем».

— То есть чем?

— Ничем, Петрович.

— Верно.

— А ты кто?

— Аз есмь аз, Петрович, а ты еси Петрович.

— Нет, друже, ты — Мужик, и я — Мужик.

— Не зна—

Снова пнул меня Петрович.

— Ай!

— Думай-дума. Буддист чего хочет?

— Ничего, Петрович. Буддист хочет пустоты.

— Верно, а пустота есть что?

— Пустота есть он сам.

— И наоборот. То есть значит, что...?

— То есть значит, что буддист хочет самого себя.

— Если буддист хочет самого себя, а «он сам = пустота», то что?

— То значит, что он просто хочет.

— Верно. А это что значит?

— Петрович, тошнит меня. Голова кругом идет, а тут еще эти ребусы твои!

— А ты, друже, проблюйся, не мучай себя, дай духу злостному из тебя вылететь.

Ну а я что? Я два пальца в рот, тут же в кусты жидкую кучу вывалил: грибочки соленые, ржаной хлебушек с чесночком, огурчики с укропчиком, самогоночка наша родная — все «бывшие», надо сказать, потерявшие в моем желудке всю свою прошлую Истинную сущность, хотя, кто знает, может быть, и приобретшие. Рот полотенцем вытер, головой потряс, очухался (вроде).

— Лучше?

— Лучше.

— Я же говорил! Дальше давай, дальше.

— А что дальше-то, Петрович?

— Буддист «хочет», ты говоришь. Держа это в уме, вот, скажем (всяко бывает, понимаю, но...), буддист тоже Мужик, то что это значит?

— Это значит, Петрович, что и Мужик может просто хотеть.

— Это-то понятно, это и был вопрос, тебе на него ответить надо, а не мне его обратно совать. Дальше-дальше крути.

— Это значит, Петрович, что... Не знаю, Петрович.

Вздыхаю, тяжело вздыхаю, тяжелее некуда.

— Карты, разложи карты.

— Петрович... какие карты.

— Условия задачи, дурень.

— Ну, значит: 1) Что хочет мужик? Базово: Мужик хочет оставаться собой, то есть Мужиком, иначе он перестанет быть Мужиком, и тогда вообще ни туда ни сюда и философии никакой нет. 2) Буддист «хочет», ибо он есть ничто. Если буддист тоже может быть Мужиком, а буддист в нашем примере — это

подмножество Мужика, то и Мужик может просто хотеть. Значит... значит, хотеть не требует объекта.

— В этом-то и загвоздка. Не может хотение существовать без объекта. Требует оно и объекта, и субъекта. Додавливай, додавливай. Карты разложены. Чего хочется космическому Мужiku?

— Уйти от ответа ему хочется, Петрович.

Тут дал мне Петрович смачный такой подзатыльник, такущий, что у меня аж зубы застучали, и вошла в меня яростным порывом абсолютная универсальная всеобъемлющая трезвость разума.

— Ты, друже, представь, что хотение есть тоже Мужик. Если базовым свойством (не действием) мужика есть желание быть мужиком, то что?

— Значит, Петрович, очевидным образом хотению хочется быть хотением. А если буддист?

— Да забудь ты про буддиста, от него толку только как от вспомогательной переменной. Не нужен нам твой буддист, чего ты к нему привязался. Докручивай, докручивай! Если хотению хочется быть хотением, тогда хотение мужика — оно что? Правильно, не свойство, а действие.

Меня совершенно точно осенило, достаточно сильно, но я решил выразить это еще сильнее, чтобы Петрович поверил.

— Петрович! Я все понял. Если хотению хочется быть хотением, а космический Мужик обладает хотением и «хочет», то, стало быть, в ультимативном смысле хочет он ничего иного, как хотения!

— Верно, друже! Верно! Нет философа, который с этим бы не согласился. Наливай еще. И с этим тоже все согласны!

Посмеялись мы с Петровичем, он — сердечно-радостно, я — с облегчением, нервно, пот холодный по лицу стекает. Налили еще, выпили, поморщились.

— Так, Петрович, а если мужик — баба?

Началось все именно тут, предыдущий мой рассказ — это просто подводочка-многоходовочка, его можно вынести за скобки. Петровича, мягко говоря, накрыло. Несмотря на наше тотальное обладание тотальным знанием, введение космической Бабы как абстракции в наших диалогах (и жизнях) не предусматривалось. Точнее, когда-то давно мы, может быть, и рады были бы ввести такую переменную.

— Чего хочет Баба, а? Петрович?

Молчит, кумекает, мыслит, видно, как его серое вещество-существо в угол забилося, видно — забилося, ибо просвечивает лысая башка Петровича так, что аж силуэт забившегося в угол вещества-существа на лбу видать. Смотрю я на него, а во мне не злорадство, что, мол, подловил мужика, не триумф, не искреннее любопытство, а

простой страх, с вкраплением ужаса, ибо знали мы с Петровичем, что в жизни каждого философа наступает момент, когда на новой странице его философского трактата, в самом верху, крупными буквами, появляются два слова: «О женщинах».

— Петрович? Стало быть, кирдык нашей с тобой философской системе, кранты сразу, как только мы заменяем в ней мужика на бабу. А?

Надо ли говорить, бабы мы с Петровичем вжизь не видали, тем более космической, а увлекаться абстракциями нам не очень-то хотелось, ибо ими, абстракциями, можно только самоудовлетворяться, используя их при этом как (причудливый) предмет, усиливающий эффект от самоудовлетворения, что ведет (бесспорно) к полной деградации (саморазрушению) личности и превращению мужика из полноценного человека в мозг. Такая активность — и не активность даже, а так, «акт», акт воображения, а в акте воображения коллизии с миром не происходит. Мужик хочет, будь то хотения ли, водки ли, Истины ли. А почему мужик хочет? Цитирую Петровича (из дней минувших): «Охота у Мужика возникает из-за нехватки, отсутствия у него предмета желания, а отсутствие сие подразумевает, что здоровое желание (импульс) всегда направлено не вовнутрь Мужика, а вовне. Его, Мужика, влечет в мир, мир есть его влекущий, а он есть влекомый миром. Логично можно заключить, что, во-первых, познание мира есть тоже влечение, стремление к удовлетворению желания, стремление к нахождению себя в мире, то бишь в других, то бишь в ближнем

своем. (подчеркнуто)» Сказал мне тогда Петрович:

— Такой он, мужской эрос, друже.

— Иногда мне кажется, Петрович, точнее, становится очевидно, что наш с тобой эрос заходит слишком далеко.

— Ты что, Платона не уважаешь?

Платона мы оба с Петровичем, конечно же, уважали, по молодости даже собаку Платоном назвали, хоть и диалог он вести не умел, только гавкал и ходил под себя. Но то было давно, Платон уж давно помер, вот и мы теперь с Петровичем скоро только гавкать сможем да под себя ходить, годы уже не те, да и усиленная философская работа берет свое. Часики-то тикают, как говорится, а космическая Баба все дальше уходит за горизонт, и никакой коллизии с Бабой, той самой коллизии с миром, не предвиделось.

Надо сказать, что мы с Петровичем лукавим, когда говорим, что «вжизь бабу не видали», но лукавство это философское, риторическое, не с целью ввести вас в заблуждение, ибо каждый из нас (и вас) очевидным образом видел бабу, то бишь маменьку, даже — к нашему с Петровичем стыду — в чистейшем ее проявлении, но видеть — это одно, видеть можно сколько угодно, акт наблюдения не сильно отличается от акта воображения по своей природе, а оба эти акта происходят где? Правильно-правильно. В башке.

— Но разве это, Петрович, считается? Я, будучи мелким

пацаненком, чего только не видал, я и на приеме у царя бывал, наверное, вот только толку-то? Фигушки там, ни черта я, Петрович, не помню. Может быть, ты, конечно, помнишь, но что-то, глядя на тебя и беря во внимание наш с тобой образ жизни, те жертвы, что нам пришлось принести во имя философии, думается мне, ты тоже ничего о Бабе не помнишь.

Молчал Петрович, думы думные думал, томно глядел в горизонт, воображал, небось, космическую Бабу. Не пил даже, причем давно, так давно, что и я пить перестал, а в трезвом состоянии оно вообще не думается, только шум в голове да логические цепочки, что мысль настоящую сковывают и держат.

— Может, водочки, а? Петрович? Я тут грибочков достал.

Молчал Петрович, думал, наверное, о маменьке, ибо о чем ему еще думать было? Маменьки наши обе уже нас покинули, бросили и ушли из наших жизней так давно, что в памяти нашей составляли они тепереча не более чем космическую Бабу, точнее говоря, вся наша память по сути была воображением, а все, из чего в ней состояла космическая Баба, был скудный образ маменьки: огромное лицо маменьки надо мной (или Петровичем), венок на нем, огромное воздушное тело маменьки в бане, огромная рука маменьки, ведущая меня (или Петровича) по полю собирать малину, и другие обрывки, больше похожие на сон, абстракцию, чем на вмняемую память, пригодную для продуктивной философской работы.

— Петрович, а, Петрович? Не молчи. Хочешь, тебя процитирую?

Я ему руку на плечо, глажу, по-платонически, а он даже не реагирует. Говорю тихо, почти шепотом:

— «Акт наблюдения есть анти-философский акт (курсивом), в отличие от акта проживания (курсивом). В ходе осознанного наблюдения Мужик разделяется на тело и наблюдателя, и ни в одной из этих частей на самом деле нет Мужика. В ходе осознанного наблюдения Мужик теряет контроль, передает контроль серому веществу-существу и, в каком-то смысле, умирает (подчеркнуто дважды). Трагедия Мужика в том, что вся его жизнь есть тщетная борьба между состоянием наблюдения (в котором он как бы мертв) и состоянием проживания (в котором он как есть максимально жив), и есть только два состояния, в которых Мужик свободен от наблюдателя и находится в состоянии чистого истинного познания, максимальной коллизии с миром, то бишь зарождение (нахождение в утробе), завершающееся рождением (выходом из утробы), и—»

Тут Петрович как гаркнет:

— Опа!

Я уж думал, все, хана мужику, сердце прихватило, дайте деняк на гроб, пожалуйста, но нет! Не тут-то было, ибо крепок наш Петрович оказался и духом, и разумом.

— Именно! А ну повтори!

— «Крепок наш Петрович оказался и духом, и разумом...»

— Да не это! Предыдущее!

— «...есть только два состояния, в которых Мужик свободен от наблюдателя и находится в состоянии чистого истинного познания, максимальной коллизии с миром, то бишь зарождение (нахождение в утробе), завершающееся рождением (выходом из утробы), и—»

— Именно! Я вот почему так сказал?

— Я, Петрович, если честно, не знаю. Но рад безмерно.

— А ты подумай!

— Я, Петрович, думал, что у тебя это, беды с башкой, кукушка отлетела, как говорится, а ты вон это, диалог снова завел...

— Я все понял, друже.

— Что ты понял, Петрович?

— Всё, друже, всё. Я, если тебе такое знакомо, преисполнился.

Тут взял он открытую, но чудесным образом все еще полную бутылку и выжрал половину одним махом. Хотел я задать Петровичу пару уточняющих вопросов, мол, как это так —

преисполнился, и чего это ты вдруг, но не задал, а Петрович мне на незаданные вопросы естественным образом ничего не ответил, прокряхтел что-то, встал и пошел спортивным шагом вдоль дороги. А я что? Я бутылку схватил и за ним, тут же на ходу лью из горла в горло, запинаясь, чуть не падаю, ноги уже не те.

К бабской бане нам с Петровичем пришлось ползти сквозь целое поле кустов малины. Ползем, кряхтим, от боли охаем, локти огнем горят, руки да рожи все исцарапаны, все в малине и крови с головы до ног. Час ползем, второй ползем, третий, а малина все не кончается и не кончается — никогда, надо сказать, мы с Петровичем столько малины не ели (и клопов). Можно было, конечно, по прямой дороге и прямо к бане, только вот однажды по юности по глупости решили мы совершить анти-философский (тогда еще для нас, салаг, безо всяких «анти») акт наблюдения, поперлись в баньку прямо по этой дороге, а она, как оказалось, вся собаками кишит, еле убежали, чуть без яиц не остались.

— Коллизия, — бормочет Петрович, — да такая коллизийная, что аж изнутри.

А я бы и рад диалог поддержать, да слов у меня нет и дыхания эти слова говорить, не помереть бы.

— Петрович! — зову. — А Петрович!

Давай, мол, остановимся, передохнём, а не то ведь передохнем, а Петрович в ответ на меня шикнул, зыркнул, мол, тише ты, друже,

ногой пнул легонько, по-платонически, и пополз дальше, вперед меня. А я что? А я уже готов передохнуть, тут и сгину меж кустов малины, буду их удобрять — ничего лучше не придумал, кроме как воспользоваться инстинктом и схватиться Петровича за ногу, а он что? Ему хоть якорь повесь — дальше ползет, вездеход наш Петрович.

— Изнутри, друже, изнутри. Аж пробирает.

Тащит меня Петрович за собой балластом, я когтями ему в ногу сквозь штанину вцепился, скоро кожу рвать начну, а ему хоть бы хны, ползет и ползет, ибо крепок наш Петрович оказался не только духом и разумом, но, похоже, и телом.

— Аж прет, о как прет.

И меня, Петрович, прет, так прет, что я уже и от веток колючих не пытаюсь уклоняться, а просто живу моментом, ловлю ягоды разодранными губами прямо с ветки, чтобы хоть как-то, так сказать, подсластить свою теперешнюю жизнь, и подсластил бы, увы и ах, кабы не клопы.

— Крепись, друже. Скоро все вернется на круги своя, туда, где все и начиналось.

Я, Петрович, готов, так готов, как никогда готов не был, жизнь, Петрович, мне не мила.

— Тебе лишь бы пошутить, друже. Крепись!

Я, Петрович, готов совершить самый что ни на есть философский акт.

— Крепись, крепись.

Мы в аду, подумал я, вряд ли это рай, хотя кто знает нынче. Несмотря на нашу с Петровичем философию диалога и коллизии с миром (то бишь и с человеком в том числе), ее логичность и истинность, я (как и любой хороший философ) ее (как и любую хорошую философию) иногда ставил под сомнение, и именно ту ее часть, где случается коллизия и философский акт, в частности когда один человек что-то делает с другим человеком, а тот в свою очередь делает что-то в ответ, диалог то бишь, но не только словесный, а и действенный, ведь посудите сами: Петрович мне задает вопросы, Петрович мне дает подзатыльники, Петрович меня пинает, Петрович вот меня тащит за собой, то есть уравнение $Я = \text{Петрович}$ не особо-то равнозначно, скорее $Я \setminus < \text{Петрович}$, и Я есть по сути придаток Петровича, в этой жизни персонаж пассивный, в то время как Петрович в этой жизни персонаж активный, и ого-го какой активный, и нет, стало быть, в такой философии равноправия сторон, тут либо мир подчиняется тебе, либо ты подчиняешься миру, ну или Петровичу. По такой же логике что получается? Что даже если аналитически верно, что $Я = \text{Петрович}$, и у обоих нас, мужиков, якобы должно быть некое Я, то в нашей-то философии его нету, ибо я без Петровича не я, и Петрович без меня, пусть даже его придатка, тоже не Петрович, и мир не мир, и каждый из вас тоже, по сути, коли взять и рассмотреть нас под лупой по

отдельности, в вакууме, — всего лишь серое вещество-существо. Если бы я сказал это Петровичу, то он, наверное, ответил бы:

— Все так, друже, не вижу противоречий. Имел бы ты свое вакуумное Я, предпочел бы ты жизни и коллизии с миром саморефлексию, мол, что с моим Я не так; самолюбование, мол, что за прекрасное у меня Я; самобичевание, мол, какое же оно отвратительное, абсолютное уродство; самоудовлетворение, мол, ну и что, лысого погонять никогда не лишнее; самодурство, мол, хочу — лысого гоняю, хочу — самогон пью, хочу — котят мучаю, вам-то какая разница; саморазрушение, мол, я есть мой и ничей больше, захочу — сдохну, мол, вам-то какая разница, ну а дальше кирдык, до свидания, ваше благородие.

А я бы ему в ответ:

— Так это же почти буддизм, Петрович.

И дал бы он мне подзатыльник, сказав:

— Я тебе покажу буддизм!

Я это говорю только потому, что не помню всего продолжения, а помню его с пробелами, и только потому, что в состоянии душевного нестояния чего только на душе не происходит, какие только мысли ее не посещают, я ведь, что бы ни случилось, Петровича люблю во всех смыслах, у меня, кроме него, никого нет, да и знаю, что котят он бы мучить не стал.

Помню, что малиновое поле закончилось, но не помню, сколько оно длилось, помню, что вылезли мы оттуда в одних ошметках одежды, почти без верхнего слоя кожи, красные, как раки вареные, ей-богу как раки, будто решили, значит-с, выползти из своего озера, и вот вам, пожалуйста, сварились, два дурака старых. Вот это была коллизия! Помню, что стоим мы на краю поля малинового, рядом с нами деревянный деревенский туалет покосившийся, чуть дальше за ним — куча навоза, впереди трава зеленая, канава, а по ней ручей течет, и прямо в озерцо небольшое, ивами обросшее, а рядом с ним, озерцом, сруб баньки стоит, черный весь, из трубы дым, окна маленькие, будто бойницы, и от нее, от баньки, к озерцу дорожка из досок и пирс небольшой.

Тут из баньки, как из жерла вулкана, вся в пару выныривает одна баба с каким-то непонятным венком на голове, там и листья березовые, и цветы орхидей вплетены, и вообще непонятно что, хихикает, руками размахивая бежит по дорожке к озерцу, на носочках, пальцами досок еле касается, будто порхает, как огромный воздушный шар, а вместе с ней и два ее огромных воздушных шара порхают, ходят вверх-вниз, вверх-вниз, позади нее только шлейф длиннющий из волос зеленоватых, до пирса добегает, прыг — в воду, во все стороны брызги, смех. За ней тут же другая баба, и другая, третья, бегут, вениками друг друга хлещут, что-то кричат весело, ножками топ-топ, как ножницами, ничего разглядеть не успеваешь, в воду — плюх. Плещутся, ныряют-выныривают, не то нимфы, не то русалки, не то кикиморы

какие в этих их непонятных венках.

Тут я уже и не заметил, как, скрючась в три погибели, Петрович тащит меня через ручей в сторону бани, то ли на плече его, то ли позади, как мешок картошки, но оказываемся мы с Петровичем уже прямо на пороге, дверь маленькая, будто детская, внутри свет горит. Естественным образом кланяемся и проваливаемся внутрь.

Следующее, что я вижу, — пар, все в пару, как в тумане, жара, рак я, по-другому мое состояние не описать, варят меня, рака, заживо, рожу, руки, ноги щиплет, глаза открыть не могу — слиплись от малины да крови. Знаю, что тут же рядом со мной и Петрович, бормочет что-то, на коленках ползет вперед, а впереди — Баба сидит, крайне воздушная, огромная, больше нас двоих, красотой Венера, не иначе, длинные ее зеленоватые волосы из-под венка лезут, облепили и плечи ее, и шары, ноги сложены вместе, то ли спит, то ли медитирует, то ли еще чего — не разобрать, а Петрович к ней ползет, что-то там под нос себе мычит и мычит, мычит и мычит. Сам ничего сказать не могу, только рот разинул да гляжу на Петровича с Бабою, а она что? Она возьми да проснись, волосы с шаров в стороны убрала и смотрит на Петровича, а он, не будь дураком, изрек одну из первых, надо сказать, своих цитат:

— Маменька... маменька... — и ползет-ползет.

Дальше я бы и комментировать не стал, и на этом бы и закончил, вспоминать я этого не люблю, да и память у меня уже давно не та, не говоря уже про сейчас, но было все именно так: маменька его или

нет — не знаю, точно не моя, — раздвигает Баба ноги, а у нее там сюрприз, не запретный плод под кустом волос, а целый что ни на есть натюрморт, настоящий куст в листве и цвету с огромной орхидеей по центру, живой. Цветок зашевелился, лепестки раздвинул и хват Петровича — проглотил целиком, будто его и не было. А я что? Я вновь обрел силы, ударило мне в голову, я со всех ног прочь оттуда, только башку себе разбил о дверной проем. Так и остался я один, сам по себе, без Петровича, то ли самодостаточный, то ли не очень. Надо ли говорить, что в баньку ту я больше ни-ни, никогда.

nova·nevédoma

*A literary locus and samizdat press
for original fictions and translations.*

nova-nevedoma.com

scan to subscribe

Find us on Substack

blog.nova-nevedoma.com